Постчеловечность в разнообразии культур. Глобализация, биоэтика

и цивилизационные разломы — все еще только начинается

Тульчинский Г.Л.

Posthumanity in variety of cultures. Globalization, bioethics, and civilization breaks — all only begins

Tulchinsky G.L.

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, г. Санкт-Петербург

© Тульчинский Г.Л.

Границы культур в стремительно меняющемся мире пролегают по линиям цивилизационных разломов. Тенденции процессов глобализации готовят нам «постчеловеческое» будущее. В настоящее время мы находимся на старте нового этапа цивилизации, что делает актуальным обсуждение человеческой жизни в русле биоэтики.

Ключевые слова: диалог культур, столкновение цивилизаций, биоэтика, реальное и возможное.

The cultures boundaries in the hurtling world are going in accordance with the lines of civilization rents. The globalization flow trends are preparing the «posthuman» future. Presently we are at the take-off of the new civilization stage, what makes the debates of a human life in the frames of bioethics so much urgent.

Key words: dialogue of cultures, civilizations encounter, bioethics, real and potential.

УДК 57

Итоги встречи Иерусалима и Афин

Разговоры о «диалоге культур», «цветущем разнообразии культур», «культурной интеграции» и т.п. представляются несколько романтичными и даже комичными.

Культуры бывают разные, и во всем своем разнообразии обладающими удивительно универсальной динамикой развития, связанной с возникновением, стадиями роста, стабилизации и угасания ¹.

Некоторые такие закономерности были рассмотрены ранее [5], прежде всего в плане динамики «горячей» и «холодной»» стадий развития и состояния культуры. Такое рассмотрение ограничивалось рамками европейской цивилизации, объясняя противостояние национализма и либерализма в ее рамках.

Насколько универсален такой подход? Насколько обоснована достаточно традиционная трактовка глобализации как торжества христианской по истокам европейской цивилизации в ее наиболее успешном — американском — исполнении?

Цивилизационный прорыв, определяющий лицо современного мира, все его достижения, перспективы и проблемы, неспроста произошел именно в христианской Европе. Практически все основные идеи и открытия, необходимые для такого цивилизационного старта, уже имелись в культурах Египта, Индии, Китая. Но прорыв произошел именно в Европе. Факторов, обусловивших это, великое множество, но есть главный, решающий. Это «встреча Афин и Иерусалима» — синтез двух великих идей: иудеохристианского монотеизма и греческой логики.

Действительно, сознание того, что мир сотворен единой волей по единому разумному замыслу и что человеку даны интеллектуальные средства и способности постижения этого замысла, Логоса как рациональной идеи, мысли, закона мироустройства, ключе-

¹ Собственно закономерности этой динамики как «больших» культур, так и «субкультур» и составляют предмет теории и философии культуры, так называемой культурологии, которую по разным причинам в настоящее время подменяют историей культуры, историей художественной культуры, если не просто историей.

вой момент для понимания, почему именно в лоне иудео-христианской традиции стали возможны возникновение научных методов, научно-технический прогресс. Сначала как оттачивания логического инструментария в теологических спорах, изощренного анализа и толкования священных текстов. Затем пришло осознание возможности вопрошать не только тексты, но и саму природу, пытать ее (о-пытное знание). Неспроста возникновение науки (scientia) как опытного знания и разгул инквизиции, охота на ведьм — процессы одновременные.

Важной промежуточной стадией стал деизм, согласно которому творец единовременно запустил мир, который в дальнейшем уже развивается сам по изначально установленным законам. Отсюда оставался уже только один шаг до отбрасывания «гипотезы Бога» и перехода к деятельности не только познавательной, но и преобразовательной. Со всеми вытекающими из этого последствиями: от грандиозных научнотехнических достижений до экологических катастроф и нравственного человекобожеского самозванства.

Можно по-разному идентифицировать эту цивилизацию — как фаустовскую, как прометеевскую, как Аbendlandes и т.д., но факт налицо — ее содержанием является именно идея рациональности во всех ее проявлениях и коннотациях от разумности до эффективности, иначе говоря — слова и дела. Эта цивилизационная установка с самого начала воспринималась неоднозначно и неоднократно подвергалась критике: за персонализм свободы и собственности, за формализм права, за пафос самозванного преобразовательного насилия рационалистического активизма ². В процессе этой критики оформились идеи либерализма, демократии, толерантности, справедливости.

Так или иначе, но эта, возникшая в лоне христианства, цивилизация оказала существенное влияние и на другие культуры, связанные с другими религиями: исламскую, буддистскую, конфуцианскую, индуистскую, синтоистскую. Более того, эта многократная рецепция породила ряд цивилизационных альтернатив и перспектив, на которые и хотелось бы обратить внимание в данной работе. Дело в том, что некоторые из таких альтернатив и перспектив уже в ближайшее время потребуют достаточно внятной оценки, поскольку последствия их развития выглядят весьма нетривиально, если не серьезными вызовами и испытаниями европейской цивилизации.

Субъектные и бессубъектные пивилизации

Для начала хотелось бы обратить внимание на одно нетривиальное типологическое различие. Речь идет о различении в зависимости от религиозно-мировоззренческого фактора и соответствующей религиозной ментальности, субъектных и бессубъектных культур [3]. К первым относятся западное христианство, православие и иудаизм. Ко вторым — ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство и синтоизм.

Роль монотеизма в становлении европейской науки, как уже отмечалось выше, хорошо известна [4]. В.В. Можаровский подчеркивает, во-первых, роль именно «субъектных» конфессий не только в оформлении идеи субъекта познания. Особенно он выделяет значение идеи равносущной Троицы, обусловившей, по его мнению, идеи доступности человеку постижения Божественного, сопричастности человека трансцендентному. Субъект христианского монотеизма выделен из космоса и противостоит природе, но способен к их познанию. Гносеологическое основание в вере в абсолютное трансцендентное начало, в сопричастности этому началу имеют не только наука и мораль, но и активизм европейской культуры, и их следствия, включая тотальное насилие, глобализацию, проблемы экологии.

Во-вторых, по мнению В.В. Можаровского, именно иудаизм и христианство ответственны за формирование такого феномена психики, как бессознательное. С этой позиции фрейдизм — не наука и не некая технология овладения эффективными методами, трансформация комплекса запретов, сформулированных в Торе (Ветхом завете). Речь идет о таких заповедях, как

² Подавление жизненного мира рационализированной логикой в постмодернизме получило название логоцентризма, а то и фаллогоцентризма — завуалированной формы воли к власти, которая, зажав нас в железные тиски рациональной эффективности, порождает различные формы насилия, выступая главным источником террора и беспорядка в современном мире.

³ Тема эта была заявлена в работах В.В. Можаровского [3]. Это очень противоречивый автор. С одной стороны — ряд нетривиальных соображений о ментальности и науке, семье... С другой — как только доходит до политики — соскальзывает в великодержавие, антисемитизм, антиглобализм. Чего стоят, например, рассуждения о том, что иудаизм и прочие нехристианские деноминации не нуждаются в территории, которая вторична по отношению к религии (это в иудаизме-то?), а вот бедное православие нуждается именно в территории (??). Или сопоставления К. Маркса с Богом-отцом, Ф. Энгельса — с Духом, а В. Ленина с Сыном — мучеником и спасителем (?!).

«чти отца своего», «не убий», «не прелюбодействуй», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не возжелай дома, жены ближнего». Любая культура формирует личность, определивает ее с помощью установления неких пределов, запретов, табу. Но таких заповедей, как содержащихся в Пятикнижии, нет в язычестве. Так же, впрочем, как нет и автономной от космоса души. В традиционных обществах прелюбодействие, воровство, убийство и прочее — признаки удачливости и не табуируются. Введение же ветхозаветных заповедей породили такие психические феномены, как вытеснение либидозности, эдипов комплекс. Иначе говоря, первобытное общество, язычество не знают бессознательного. С этой точки зрения юнгианство оказывается укорененным в протестантизме, а творчество Ф.М. Достоевского — формулировкой православной идеи бессознательного [3].

Бессознательное — иррациональный коррелят рационализма, компенсация за приобретения рациональности (наука и техника), укорененное в догматической сфере. «Как, например, все создания субъектной науки, все механизмы, произведенные техникой, являются неестественными и разрушаются в мире натуральных вещей, так и сам субъект, сам человек монотеизма весьма неестественен и затрачивает огромные усилия для поддержания своего статуса в природном мире. Он находится в таком постоянном внутреннем напряжении, которое, возможно, не было присуще язычникам» [3]. Так, в Индии, Непале нет проблемы сексуальных маньяков или суицида, составляющих целый пласт современной западной культуры. «Сама проблема бессознательного актуализируется лишь в то время, когда уже налично заявлено содогматического мышления, экономические проблемы возникают только в момент реального воплощения установок монотеизма через антропоцентрическую науку и технику, т.е. чем более активно и тотально постулирует себя догматическое мышление, тем более широко и осязательно проявляет себя его отрицательный иррациональный коррелят».

Различение культур в зависимости от их отношения к персонологии имеет далеко идущие последствия — как в плане проблемы собственности и экономических отношений, политической культуры, так и морали, вплоть до неоднозначных представлений о перспективах самой человеческой цивилизации. Речь идет о рациональных биотехнологиях, вызвавших бурную дис-

куссию этиков, теологов, политиков, выплеснувшуюся в СМИ и ставшую уже фактором актуальной политической жизни.

Современный человек получил широчайшие возможности изменения своей природы: от пластических операций и трансплантаций до генной инженерии. Урбанизированная техногенная цивилизация вызывает утрату телесной органичности. Бытийность человеческой телесности, формы ее существования становятся поливариантными. Тело превращается в аналог одежды, которым можно играть и который можно менять.

Если во времена Платона еще можно было понимать человека как бесперое двуногое с мягкой мочкой уха и плоскими ногтями, то что есть человек сейчас? Возможные ответы все более утрачивают шансы на однозначность. Если исходить из происхождения, то оно становится все более многовариантным: человек может быть зачат, выношен и рожден уже не только обычным «натуральным» образом, но и возникнуть из пробирки, быть выношенным и рожденным суррогатной матерью, а теперь даже и мужчиной. Разработаны генные технологии, позволяющие гомосексуальным парам (женским и мужским) иметь собственных детей.

Биотехнологии позволяют определять пол зародыша на ранних стадиях, а значит, фактически, и влиять на демографию. Разработаны методы создания условий для появления на свет детей с определенными генетическими характеристиками. Тем самым создаются предпосылки закрепления разрывов в социальном статусе на генетическом уровне.

Возможности генной инженерии, банки спермы и яйцеклеток, клонирование порождают все большую неоднозначность относительно конечности человеческого существования, массу этических и религиозных проблем. Перспектива применения клонирования к человеку вызвала столь бурную дискуссию, что в дополнительном протоколе к принятой Парламентской ассамблеей Совета Европы Конвенции о правах человека и биомедицине записано: запретить всякое вмешательство, преследующее цель создать человеческую особь, идентичную другой, живущей или мертвой 4.

⁴ Большинство ведущих религиозных конфессий однозначно выступили против клонирования на том основании, что в данном случае человек претендует на роль Творца. Будет ли клонирован-

Не менее острые дискуссии вызвала технология выращивания эмбрионов примерно до 14-дневного возраста, чтобы затем получать из них стволовые клетки, из которых уже можно выращивать любой орган и живую ткань — костную, мышечную и т.д. Дискуссия об использовании стволовых клеток приобрела колоссальный резонанс, в нее вмешалась даже Римская католическая церковь и лично ее глава, объявивший морально неприемлемыми любые манипуляции с живыми человеческими эмбрионами. А прошедшие в США дискуссии о создании эмбрионов для научных исследований подвигли администрацию Дж. Буша-младшего к отказу от финансирования таких исследований. Главное возражение противников этой практики имеет чисто этический характер: речь идет о бесчеловечном манипулировании людьми, фактически — убийстве. Проблема чисто персонологическая — являются ли используемые эмбрионы личностями, распространяются ли на них этические и правовые нормы? (При этом аргументы противников клонирования логически противоречивы: запрет доращивать клонированные эмбрионы до рождения предполагает их тождественность человеку-донору, а запрет использовать их как биоматериал — их индивидуальность и самоценность. Это опять-таки подчеркивает персонологический характер проблемы.)

А как относиться к тому факту, что в мире ежегодно отправляются в помойку десятки (если не сотни) тысяч живых человеческих эмбрионов, являвшихся материалом лечения некоторых форм бесплодия? При искусственном оплодотворении из некоторого количества оплодотворенных яйцеклеток, значительная часть которых начинает успешно развиваться, отбирается только одна, которая и отправляется в лоно счастливой пациентки, а остальные — невидимые простым глазом скопления — в лучшем случае в сосуд с жидким азотом. Что это? Или кто это? Отходы

ный человек иметь статус человека? А значит, будет ли на него распространяться запрет на его убийство? Или продукт клонирования будет иметь статус «голема» — искусственного человека, сделанного из глины и одушевленного магическим образом и которого, поскольку он не человек, можно убивать? Является ли клонирование исполнением божественной заповеди «плодитесь и размножайтесь»? Заповедь относится только к гетеросексуальным парам, вступающим в законный брак и размножающимся естественным образом, или заповедь относится к результату, а не к способу зачатия? Кто считается отцом клонированного ребенка? Тот, чья сперма оплодотворила женщину, даже в том случае, если он является платным, добровольным или анонимным донором? А как быть с донорством не семени, а генетического материала вообще — ядра клетки?

лечения? Вторичный «биоматериал», который можно использовать для спасения других жизней? Если это уже кто-то, то они — жертвы бесчеловечных технологий. Не случайно всего огромного авторитета папы не хватило для того, чтобы остановить публичное обсуждение «терапевтического клонирования» даже в традиционно католической Италии.

На этом фоне в политическую проблему превратился аборт. То, что еще в середине XX в. рассматривалось как свободное волеизъявление потенциальной матери, превратилось в человекоубийство, квалификация которого оказалась связанной с вопросом, на какой стадии (недель или даже дней) развития плода он может считаться человеческим индивидом. Поляризация общественного мнения выразилась в оформлении двух основных позиций: Pro Life и Pro Choice. В первом случае человеческая жизнь наделяется несомненными правами личности, человеческим достоинством и абсолютной автономностью с момента зачатия, а значит, вмешательство в эту жизнь других лиц (вплоть до искусственного прерывания беременности) недопустимо. Во втором — отстаивается приоритет выбора родителей, прежде всего матери, в вопросах, связанных с зачатием и рождением ребенка. Однако такой план дискуссии — вчерашний день. Осмысление последствий генной инженерии раскололо лагерь либералов, традиционно отстаивавших право женщины на аборт. Наиболее последовательные продолжают отдавать преимущество праву женщины на самоопределение. Но в либеральном лагере появились и «большие католики, чем сам папа», отдающие приоритет праву на защиту жизни эмбрионам⁵, находящимся на начальных стадиях развития.

А оправдано ли и в какой степени лечение генной коррекцией? В каком смысле человек останется человеком, если поменяет свою генетическую идентичность, включив в свой геном часть генома крыс для повышения устойчивости к неблагоприятной экологии? Или часть генома свиней, что откроет широкий дополнительный ресурс трансплантологии? Или часть генома растений для более эффективной утилизации солнечного излучения?

⁵ Стоит напомнить, что под эмбрионом в современной медицине понимается плод на стадии от оплодотворения яйцеклетки до начала развития отдельных органов, т.е. до 8-й нед беременности. С 9-й по 38-ю нед длится период внутриутробного развития.

Возникли и менее экзотические, но не менее острые проблемы. Появление группы общедоступных лекарств, позволяющих корректировать поведение, вызвало неоднозначную ситуацию в педагогике и семейном воспитании. Например, если ребенок импульсивен, не может долго задерживать внимание, не слушает, когда к нему обращаются, испытывает трудности при выполнении заданий, требующих внимания и интеллектуальных усилий, легко отвлекается, то ему может быть поставлен диагноз «синдром недостатка внимания и синдром гиперактивности» и назначено лечение риталином, который «нормализует» поведение. В США это лекарство потребляют до 10% школьников. Противники все расширяющегося потребления риталина обращают внимание на то, что рост потребления препарата связан со стремлением снять с себя ответственность. Школьник освобождается от ответственности за свое безобразное поведение: его надо не воспитывать, развивая самодисциплину, а просто дать лекарство. Родители освобождаются от ответственности за плохое воспитание своего чада, просто за то, что запустили ребенка. Виноваты не они, а какая-то патология, и исправлять поведение они должны не уделяя ребенку больше внимания и заботы, а оплачивая лекарство и визиты к врачу. Ну и, само собой, учителя освобождаются от ответственности за неспособность привлечь внимание или призвать к порядку шалуна: риталин в их сознании занимает место педагогического таланта и опыта.

Упомянутые нравственные, правовые и религиозные проблемы относятся к разнообразию ответов на вопрос о природе личности. Рождение и воспитание ребенка является одним из высших проявлений человеческой свободы и ответственности. Но современная генная инженерия, успехи медицины не просто породили биоэтику, а создают совершенно немыслимые ранее нравственные, правовые и религиозные казусы.

Во всех приведенных примерах существо проблем, порожденных ими, не просто этическое. Речь идет о границах личности, которые в европейской традиции совпадают с границами свободы и ответственности, возможностью проявления свободы воли, самосознания, разума. Но сегодня — где и когда «Я», где и когда личность? К концу XX столетия эти вопросы звучат весьма нетривиально. Психологи и даже педагоги говорят о пренатальной (внутриутробной) стадии развития личности. Родителям впору, как в

«Стране водяных» Акутагавы, испрашивать у неродившегося плода согласия на его рождение. Поневоле начинаешь вспоминать соратницу В.И. Ленина О. Лепешинскую, ставшую в советское время известным биологом и занимавшуюся воспитанием зиготы. Вообще, складывается впечатление, что еще немного, и можно будет говорить о презиготной стадии развития личности. А тут уже рукой подать до представлений о карме.

Об этой же тенденции свидетельствует и обостренный интерес в конце XX столетия к так называемой трансперсональной (т.е. внеличностной) психологии, духовным практикам в духе Кастанеды, интегральной йоги Ауробиндо и т.п. Общим для всех них является поиск органической связи человека с бесконечным полем сознания (универсальным разумом или космическим сознанием), т.е. выходом конкретной личности за рамки пространственно-временных и причинно-следственных границ.

Границы свободы и ответственности утрачивают ясность и четкость, которую они приобрели в Новое и Новейшее время. Границы свободы (читай — ответственности) в XIX и большей части XX вв. есть границы собственности личности, буквально — ее доли (куска, объема) бытия. В наше время «субстанция» свободы и ответственности становится виртуальной, подобно иррациональным числам, труднодоступной здравому смыслу и обыденной практике. Вменяемое «Я» становится некоей «точкой сборки» свободы и ответственности самосознающего «Я», которое не столько отделено от бытия, сколько вплетено в его ткань в качестве странника по стихиям бытия и его возможным мирам. Оно подобно пучку нитей, вплетающихся в ткани бытия, прорастающих в нем, образуя неповторимый узор — то ли войлок, то ли ковер. В античной мифологии богини судьбы — Мойры — именно этим и занимались. (Можно предложить и другую, более современную математическую метафору, если уподобить «Я» волновой функции или немонотонной функции вроде функции Дирихле.)

Но все эти духовные приключения — источник грядущих метаморфоз и открытий нравственности и права есть результат развертывания христологии — сердцевины христианства, выраженной в новозаветных текстах. Идея свободы как ответственности, будучи укорененной в христианской культуре, привела к своеобразному оборачиванию метода.

Два с половиной монотеизма и массовая культура

Атака Аль-Каидой ВТЦ в Нью-Йорке. Затянувшееся противостояние в Ираке и Афганистане. Приход к власти агрессивных режимов в Иране и Палестине. Активность исламского фундаментализма в Алжире и Турции, на Северном Кавказе, в Средней Азии и Индонезии. Парижская осень 2005 г. Всемирная «война карикатур» в феврале 2006 г. Ряд событий очень убедительный для выводов типа «ислам проснулся», «невидимый халифат действует» и т.п. Этот всплеск исламской экспансии оказался неожиданным для большинства политиков и экспертов, очевидно, ожидавших после крушения «империи зла» торжества демократии, политкорректности, мультикультурализма и толерантности в рамках единых экономических, информационных, культурных и политических «пространств». Дошло до того, что Ф. Фукуяма, сделавший имя на тезисе о наступившем к началу 1990-х «конце истории», вынужден в 2006 г. говорить об определяющей роли различных политических культур. А большинство политиков, не говоря уже об обывателях, открыто говорят о прямом вызове, брошенном оказавшимся удивительно единым исламским миром миру христианскому, оказавшемуся не готовым к выработке единой позиции перед лицом этого вызова.

Для уяснения смысла противостояния можно воспользоваться моделью, предложенной в 1994 г. Э. Геллнером в связи с выявлением им источников и перспектив гражданского общества [1]. Для Э. Геллнера главным было различие между христианством и исламом в плане поляризации «энтузиазма» (порывов духовного опыта к трансцендентому, к внебытийным и добытийным началам бытия) и «предрассудков» (бытовой ритуализации)⁶. С этой точки зрения различие состоит в том, что если в христианстве носителем «энтузиазма» выступала «периферия» (секты, ордена, раскольники), своеобразный культуральный «низ», тогда как «верх», «центр» (папство, патриаршество) выступал носителем терпимой ритуальной консолидации, то в исламе обратная ситуация. Там всегда носительницей «энтузиазма» выступала «умма» образованных книжников, тогда как ритуальное бытовое разнообразие накапливалось и довольно мирно существовало на «низовой периферии».

В этой ситуации секуляризация христианской цивилизации породила такие социальные институты, как гражданское общество, демократия, правовое государство, обеспечивающие довольно мирное сосуществование носителей различных взглядов. Прорывы «энтузиазма» обычно затухали, достигнув пределов «национализма». Исламская культура в таких институтах просто не нуждалась.

Ситуация радикально изменилась в результате индустриализации исламских стран, формирования в них урбанистического образа жизни, освоения современных информационных технологий, формирования массового общества и массовой культуры. «Прорывы в иное» духовных лидеров, дающие объяснение и утешение обездоленным, слились в едином надгосударственном мощном порыве «энтузиазма». Получилось что-то вроде накачки лазера, за которой последовал импульс мощного излучения. И средством «накачки» этого лазера оказались плоды европейской цивилизации (наука, техника, СМИ и т.д.).

Структурные синхронические различия двух монотеизмов, двух мировых религий, определяющих «осевое время» мировой истории, перешли в параметры синхронические, характеризующие различные стадии развития. Иудео-христианская цивилизация оказалась в статично-оборонительной позиции, тогда как исламская приобрела качественно новую энергетику развития, перейдя в фазу «горячего» общества. Причем общества надэтнического, глобального или претендующего на глобализм.

Любопытна в этой ситуации история с «реальным социализмом» — попыткой реализации коммунистической доктрины, восходящей к марксизму и традиции утопического социализма. Фактически речь идет о «монотеистическом вывихе», попытке построения «Царства Божьего» на земле, т.е. построении идеального и разумного общества справедливости при отказе от трансцендентного сакрального плана бытия. Эксперимент этот закончился печально. Причины неудачи уже вскрыты и неоднократно обсуждены. Важно отметить две вещи. Во-первых, то, что одной из причин краха стало противоречие декларируемых целей и результатов, недовольство отсутствием гражданских прав и свобод. Во-вторых, важно, что за крахом тоталитарного государства не последовали формирование

 $^{^{6}}$ Для монотеизма речь идет об освоении языческого «бэкгра-унда».

гражданского общества и экономическое развитие, что оттолкнуло население от идей демократии и либерализма, что создало условия для политической манипуляции и нового авторитаризма.

Как бы то ни было, но несколько неожиданно «плодами цивилизации», результатами реализации проекта гуманистического Просвещения воспользовались другие. Европейская цивилизация своими руками, в результате собственной экспансии, стоившей ей много сил и жизней, создала себе «преемника».

Сказанное можно проиллюстрировать с помощью таблицы:

Монотеизм	«Предрассудки», традиция,	«Энтузиазм», духовные прорывы в	Современность:
	терпимость	трансцендентное, «иное» бытия, важ-	в условиях массового общества, урбани-
		ные для продвинутых интеллектуалов	стической среды, современного производ-
		и дающие утешение слабым, нетерпи-	ства, СМИ, массовой культуры, совре-
		мость	менных информационных технологий
Христианство	«Центр»(«верх») (папство, пат-	Местные пуританские сообщества	Десакрализация, секуляризация, граждан-
	риаршество)	(протестантизм, ордена, секты, старо-	ское общество, демократия, толерант-
		веры)	ность
Ислам	Местные сообщества	Умма	Сакрализация, трансляция и торжество
			пассионарной уммы
Коммунизм (реальный	Отождествление экономики,	Отказ от транцендентного, цезарепа-	Крах, разочарование в несуществующих
социализм)	политики и идеологии	пизм	гражданском обществе и демократии,
			вопль об идеалах и «сильной руке»

Дело, однако, не ограничивается «исламским вызовом» и угрозой «нового халифата». Это внутренние «разборки» в рамках монотеистической традиции.

Биоэтика и асимметричность этики возможного

Человечество, живущее в условиях современной цивилизации, проходит некий водораздел, некую точку перелома метафизики нравственности. До сих пор наука и техника были солидарны с основополагающим тезисом христианской культуры и порожденного ею политического и нравственного мировоззрения: все граждане обладают равным шансом автономно (т.е. свободно и ответственно) реализовывать свою жизнь. И нарастающая свобода выбора только поощряла частную автономию отдельного человека.

Но уже вакцинация, операции на сердце и мозге, трансплантация органов ставили вопрос о пределе, где даже медико-гуманитарные цели не могут оправдывать дальнейшую технологизацию биологической природы человека. И ни одна из дискуссий не установила этот предел и не остановила развитие этой технологизации. В настоящее время количество переходит в качество.

Проникновение в человеческий геном и манипулирование с ним — это возрастание свободы, не нуждающееся ни в каком ограничении, или этот прирост свободы выходит за некие границы и поэтому нуждается в нормативном ограничении?

Реалии сегодня таковы, что изменяются критерии, в соответствии с которыми мы осознаем и понимаем себя как авторов собственной жизни и равноправных членов морального общества. Так, знание о запрограммированности своего генома может воспрепятствовать самоопределению, согласно которому мы существуем как тело или «являемся» своим телом. Следствием этого устанавливается фундаментальная асимметрия межличностных отношений.

До сих пор цивилизованное человечество — как в сфере науки, так и религии — исходило из того, что генофонд новорожденного и, следовательно, исходные органические предпосылки его будущей жизни не могли быть предметом целенаправленной манипуляции других людей. Взрослеющая личность уже могла подвергнуть свой жизненный путь критическому пересмотру и перестройке. Но в исходной позиции жизненного старта все одинаково зависимы от организма, телесной целостности, доставшейся нам стихийно и естественно, т.е. непредсказуемо. В этом плане все человеческие индивиды выступали симметрично бесправными — как в пределах одного поколения, так и в межпоколенном плане. «Все мы — люди, все мы — человеки» и «Бог дал — Бог взял» нашу жизнь.

Возникающая асимметрия обусловлена тем, что ставится под сомнение способность человека рассматривать самого себя как ответственного хозяина истории своей жизни и одновременно уважать других как равных себе — хотя бы как представителей того же

биологического вида, с одинаковой историей происхождения.

С одной стороны, новые репродуктивные технологии, эвтаназия, генная инженерия, включая использование стволовых клеток и т.п., расширяют личную автономию и свободу. То, что И. Кант считал «царством необходимости», превратилось в «царство свободы». С другой стороны, свобода явно и жестко ограничивается.

Так, если взрослеющий человек узнает о той дизайнерской процедуре, которой подвергли его генетическую структуру другие люди ради каких-то своих целей, то идентификация себя как искусственного, созданного существа может вытеснить в его сознании представление о себе как естественно вырастающего телесного бытия. Он оказывается не только несвободен в плане собственной инструментализации ради целей других людей (он — только средство для достижения их целей), но и безотвественным за свою судьбу, поскольку не он ее определял в существеннейших моментах ее реализации.

Начавшаяся искусственная самотрансформация вида жестко делит человечество на лиц, принимающих решения, и лиц, воплощающих эти решения.

Первые, преимущественно взрослые, могут рассматривать генетический материал потомков как сырье для реализации своих планов. Сами потомки начинают выступать творениями «дизайнеров». На людей переносится отношение к вещам не в плане имущественном, как это было при рабовладении или феодализме, а в плане буквально ремесленночиженерно-дизайнерском. Но одно дело когда сам человек занимается какой-нибудь фаллопластикой. И другое дело, когда кто-то когда-то решил, каким ему быть.

Вторые, потомки, попадают в слепую зависимость от необратимых решений другого лица или лиц. И у них не будет возможности выработать необходимую для существования в рамках поколения сверстников симметрию уравнительной справедливости возможностей [4], дающую импульс к соревновательности, стремлению к успеху: жизненному, профессиональному и т.д. Правда, в какой-то момент они могут потребовать от своих «авторов» ответ за содеянное, возлагая на них ответственность за нежелательные, с их точки зрения, последствия проектирования. Уже сейчас родители детей-инвалидов вменяют иски врачам

за последствия ошибочного пренатального диагноза и требуют компенсации за нанесенный ущерб. Но это только цветочки по сравнению с перспективой исков к родителям, пожелавшим видеть своего ребенка не кинозвездой, а танцовщиком; математиком, а не поэтом. Или еще чище — иска в преступном бездействии!

Сама этика возможности превращается в одну из многих альтернатив в рамках отдельных проектов спортсменов или математиков, художников или музыкантов, веселых или грустных и т.п.

Более того, перспектива самотрансформации вида вынуждает выработать представления о норме здоровья, несоблюдение которой — болезнь — требует генного и прочего санкционированного вмешательства. Либерализм вдруг неожиданно оборачивается тоталитаризмом в самом худшем своем обличье — опирающемся на биотехнологию, в конечном счете — евгенику.

Ситуация усугубляется возможностями использовать эмбрионы в качестве расходного материала для производства стволовых клеток, выращивания тканей для трансплантации. Это меняет отношение к человеческой жизни до момента рождения и в целом. Размывается граница между телом (body, Koerper) и плотью (fleish, Leib), естественным и искусственным.

Различение произведенного и возникшего (выросшего) достаточно важно в жизненной практике. С одной стороны — сугубо технологически рациональная механическая переработка сырья и материала. С другой — бережное обращение с сохраняющими свои границы системами органической природы, их бережное культивирование и селекция. Такое отношение предполагает учет самоуправления и саморазвития этих систем, а значит, внимание, определенное сочувствие и даже — уважение. Такое «сочувствующее понимание», эмпатия к объекту воздействия ставит некий порог в практическом обращении с органическими системами в отличие от простого технического манипулирования. Такая ситуация свойственна крестьянскому труду, труду врача, воспитателя.

Биотехнологическое вмешательство вспарывает эту эмпатию, это сочувствие, подменяя клиническую заботу о пациенте воздействием в духе технологического манипулирования. Ситуация доходит до технологического отношения к собственному телу и организму. Круг замкнулся: технически освоенная и поко-

ренная природа вновь включила в себя человека, до этого противостоявшего ей.

В генной инженерии возникает серьезная моральная и даже правовая проблема защиты целостности генных структур, в отношении которых недопустимы никакие манипуляции, т.е. проблема неподвластности чужому влиянию биологических основ личности, ее биологической, телесной идентичности. Юридически проблема может звучать как «право на генетическое наследство, не подвергшееся искусственному вмешательству» [7]. Ю. Хабермас, пожалуй, наиболее высоко поднял планку обсуждения этой проблемы в европейском общественном мнении. Поэтому имеет смысл остановиться на его анализе и аргументации.

Поляризация общественного мнения началась еще в связи с бурными дискуссиями об абортах. Тогда сформировались два основных лагеря: сторонников движения Pro Life и сторонников движения Pro Choice. Согласно первым, человеческая жизнь обладает несомненными правами личности, человеческим достоинством и абсолютной автономностью с момента зачатия, а значит, вмешательство в эту жизнь других лиц (вплоть до искусственного прерывания беременности) недопустимо. Согласно другим, отстаивается приоритет выбора родителей, прежде всего матери, в вопросах, связанных с зачатием и рождением ребенка.

Однако такой план дискуссии — вчерашний день. Осмысление последствий генной инженерии раскололо лагерь либералов, традиционно отстаивавших право женщины на аборт. Наиболее последовательные продолжают отдавать преимущество праву женщины на самоопределение. Но в либеральном лагере появились и «большие католики, чем сам папа», отдающие приоритет праву на защиту жизни эмбрионам, находящимся на начальных стадиях развития.

Ценность анализа Ю. Хабермаса состоит в том, что он вскрывает несостоятельность этой альтернативы. По его мнению, ситуация обращения с доличностной человеческой жизнью поднимает вопросы совершенно иного масштаба и калибра. Речь уже идет не о различиях среди множества форм культурной жизни, а о самоописаниях, «на основе которых мы идентифицируем себя в качестве людей и отличаем себя от других живых существ... осуществляющиеся и вызывающие опасения тенденции развития генной технологии подрывают образ, созданный нами о самих себе как о куль-

турном видовом существе по имени человек и которому у нас, кажется, нет никакой альтернативы»⁷ [7].

Традиционные системы морали, как и мировые религии, полагает Ю. Хабермас, так или иначе, но артикулируют антропологическое самосознание и самопонимание. Оно же служит, таким образом, и основой морали, включая и мораль автономной личности. Технизация же человеческой природы меняет самосознание таким образом, что генетически запрограммированная личность лишается возможности понимать себя как этически свободное, а значит, и ответственное существо, которое могло бы относиться к представителям предшествующих поколений без каких-либо ограничений в качестве равных ему по происхождению личностей.

Думается, что при всей глубине и остроте обсуждения вектор дискуссии, заданный Ю. Хабермасом, ведет в тупик неразрешимости проблемы. Счастливо избежав ложную альтернативу культурального релятивизма и либерального фундаментализма, он впал в другую.

Причина этого — ограничение горизонта рассмотрения проблемы. Ю. Хабермас остался в рамках рационалистического активизма, рассматривающего действительность в модусах реальности и долженствующего преобразования этой реальности. Между тем с последней четверти прошлого века акцент сменился на модальность возможного.

При генно-терапевтическом вмешательстве врач относится к эмбриону не как к таковому (кто он есть), а как ко второму лицу, которым эмбрион когданибудь станет. Этот «другой» может в будущем одобрить или осудить проведенное вмешательство. Но актуально его отношение реализовано быть не может. Получается, что врач действует в контрфактической модальности «как бы». И Ю. Хабермас считает, что такая позиция может иметь только частичное оправдание — в случае терапевтического вмешательства в эмбрион, поскольку имеется хотя бы какая-то вероятность одобрения выросшим индивидом этого вмешательства. В случае же использования эмбриона для выработки препаратов, преимплантационной диагностики, просто в целях исследований актуализация отношения в будущем нереальна даже гипотетически [7].

 $^{^7}$ В квалификации возникающих в этой связи чувств Ю. Хабермас проводит параллель с брезгливостью, вызываемой видом продуктов химерического травмирования видовых границ, различных мутантов и уродов.

Но в случае эмбриона мы не имеем дело с личностью. Да, собственная свобода переживается лишь в связи с чем-то, что по своей природе не может быть подчинено, даже невзирая на конечность существования личности. Но ведь речь-то идет именно о личности. А ею еще необходимо стать.

Как можно сводить допустимую несвободу только к вмешательству природы и Бога, но ставить под сомнение вмешательство других людей [7]? Или они противостоят природе и Богу?

Почему-то в контексте столь проблемной асимметрии не воспринимаются наследственность и собственность. Между тем их асимметричность не менее очевидна.

Каждое поколение является в жизнь как в детскую игру — «на новенького», когда роли уже были распределены, и у предыдущих поколений, которые пришли в жизнь раньше (и не следует забывать — уйдут раньше), есть свои преимущественные права.

Все-таки не стоит забывать о простых истинах, о которых говорилось в начале данной работы. В биологическом плане человек рождается «недоделанным» и на протяжении всей своей жизни остается зависимым от помощи, внимания, признания со стороны своего социального окружения. Он становится полноценным человеком — личностью — ТОЛЬКО в результате социализации и на ее основе. В момент рождения младенца разрушается его биологический симбиоз с матерью, и он вступает в мир личностей, мир общения и духовного взаимооплотнения ими. Находящееся в материнской утробе или in vitro генетически индивидуализированное существо — как причастный некоему размножающемуся сообществу экземпляр — никоим образом не является «уже личностью». Лишь в процессе включенности в социальную коммуникацию и деятельность природное существо оформляется в человека как наделенную разумом личность (думается, что вне зависимости от пола и вопреки упоминавшемуся мнению Д.А. Леонтьева и С.В. Кривцовой).

В этом плане действительно особую роль играют родители, которые принимали решения о создании семьи, рождении ребенка, его об этом не спрашивая. Это было ИХ решение. Родители зачинают своих детей, а не дети — родителей. Слава богу, что никто не оспаривает пока этот факт необратимой генеалогической зависимости.

И если родители, выбирая для ребенка за него питание, одежду, игрушки, школу, лечение, вмешиваются в его жизнь, то почему менее легитимным должно быть инициированное ими генетическое вмешательство с целью улучшения природных задатков своего потомства? Или почему это менее оправдано, чем настаивание родителей на посещении ребенком, вопреки его желаниям, музыкальной школы или спортивной секции?

Если быть последовательными, то под сомнение должна быть поставлена любая попытка взять на себя ответственность за распределение естественных ресурсов в семье. Стране — поскольку какая-то другая личность однажды разовьет свои интересы с учетом этих ресурсов.

Воздействие на человеческий геном ничем существенно не отличается от воздействия на окружающую среду растущей личности. Просто собственная генетическая природа этой личности рассматривается как ее «внутренняя» окружающая среда. И это будет восприниматься драматически, если не учитывать, что Я — не есть тело, а есть точка сборки свободы. Тело же, подобно социальной среде, может меняться, как об этом уже подробно говорилось выше. И если раньше родители программировали личность как социальное существо, то теперь они (да и она сама с возрастом) могут проектировать ее как существо психосоматическое. И это их право! Как родителей биологических и социальных, плетущих ткань биологической и социальной жизни. (Если уж на то пошло, то большего внимания заслуживает проблема собственности на генетические материалы и обеспечения доступности подобных услуг.)

Возможные же претензии к ним в будущем за «не то решение» аналогичны претензиям, что они «не те», «не того гражданства», «не с тем уровнем дохода» и т.д.

С поссибилистской (контрфактической) точки зрения генетическое вмешательство оправдано, если оно создает больше возможностей для будущего субъекта, дает ему дополнительный шанс. Не имеет оправдания невмешательство, поскольку оно сужает поле возможностей, лишает шансов на здоровье, самореализацию. И вряд ли личность ретроспективно будет критически судить и отказываться от увеличения своих природных ресурсов, от большего объема данных ей генетических возможностей [8]. Как она воспользуется этими возможностями — факт ее личной биографии. Родителям не дано знать, пойдет ли это во благо или во

вред, в той же степени, как им не дано знать, как воспользуется их потомок тем образованием, которое они смогли ему дать, или тем наследством, которое ему достанется.

Поэтому повисает в воздухе пафос мысли Ю. Хабермаса [7], согласно которому «в рамках демократически конституированного плюралистического общества, в котором каждому гражданину на основании автономного образа жизни полагаются равные права, практика улучшающей евгеники не может быть легитимирована, потому что селекция желательных предрасположенностей априори не свободна от заранее принимаемого решения относительно определенных жизненных планов» [8].

Не менее пафосно современное «потрясение основ» выразил в свое время Г. Йонас, связав его с приходом власти «ныне живущих над представителями грядущих поколений, превращающихся в незащищенные объекты предусмотрительных решений людей, составляющих теперь планы будущей жизни. Ядро нынешней власти — это более позднее рабство живых, оказавшихся в зависимости от мертвых» [10]. Так и хочется спросить: а что, раньше было как-то иначе? Разве мы, социальные существа, кем-то воспитанные и носители определенной культуры, не находимся в вечной «зависимости от мертвых»? И при чем здесь рабство?

Показательно, что в пылу острой полемики Ю. Хабермас только в одной фразе дважды передергивает Канта, утверждая, что «,,целевая формула" категорического императива содержит требование рассматривать каждую личность "всегда как цель в самой себе" и никогда не использовать ее "просто как средство"» [7]. Более того, на следующей странице Ю. Хабермас вновь приводит уже развернутую закавыченную цитату из Канта, правда, без указания источника цитирования. Думается, что неспроста. Дело в том, что данная «формула» относится не к категорическому императиву, а к императиву практическому. В категорическом императиве утверждается: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [2]. А это существенно иная мысль.

Фактически речь идет о максиме, позволяющей отличать мораль от других форм сознания. Идея же «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2] выражена в императиве практическом, выражающем понимание Кантом практической морали. И. Кант говорит именно об отношении к другим «НЕ ТОЛЬКО как к средству». Он отнюдь не требовал поступать так, «чтобы человечество, заключенное как в твоей личности, так и в личности всякого другого человека, ты использовал всегда как цель, но никогда просто как средство», как приписывает Ю. Хабермас [7], превращая Канта в либерального фундаменталиста. И. Кант был спокойнее и мудрее. Житейски его мораль может быть выражена в формуле «живи сам и давай жить другим».

Излишний максимализм, если не утопизм проглядывает и из хабермасовского утверждения, что «у генетически запрограммированной личности... отсутствует ментальное условие, наличие которого необходимо во всей полноте, если личность должна ретроспективно возложить ответственность за свою жизнь только на саму себя» [7].

Сторонники ограничений и запретов на манипуляции с эмбрионами и технологизацию человеческого организма напоминают капп из повести Акутагавы Рюноске «В стране водяных». В этом фантастическом памфлете, когда каппе-матери приходит пора рожать, каппа-отец приникает к ее лону и дает интервью еще не родившейся каппе. А потенциальный младенец подробно выспрашивает у потенциального отца о доходах, условиях жизни и т.д. И если его все устраивает, каппа рождается. Если нет, то роды отменяются и живот у матери сдувается. Но люди-то не каппы. Нас никто не спрашивал, не спрашивает, и пока не ясно в принципе, даже сторонникам такого вопрошания, как спрашивать.

Жизнь — цепочка необратимостей. Она в принципе несимметрична. И этика, нравственная культура отношений старшего и младшего поколений не может быть симметричной и обратимой в принципе. Это хорошо понимают конфуцианцы. Это хорошо понимают дети в своих играх. Это хорошо понимают либералы, если только это касается вопросов собственности. Но в биоэтике они же доводят ситуацию до гротеска в духе страны водяных Акутагавы. И в этом парадок-

⁸ В этой связи Ю. Хабермас предложил различать закрепленную в конституциях большинства европейских стран неприкосновенность человеческого достоинства и неподвластность чужому влиянию доличностной человеческой жизни [8].

сальным образом смыкаются с религиозным фундаментализмом. Доходит до ссылок на учение о карме. Причем, как обычно, без понимания сути дела. Ведь кармичность настолько наделяет личность ответственностью за череду воплощений, что либеральные дискуссии об асимметричной этике выглядят просто комично.

Однако запреты на «инструментализацию эмбриона в чужих интересах», ограничения на вмешательство в геном на основе необходимости «защиты человеческих эмбрионов... кто не может защитить себя и даже не может самостоятельно аргументировать необходимость такой защиты» [7] уже не комичны. Они лишают шансов родителей, а вместе с ними — и их детей.

Думается, что одной из причин этого является своеобразный, сложившийся в современной цивилизации культ молодости и детства. Это смещение акцентов и приоритетов выражается не только в моде и маркетинговой политике, направленной на generation next, но в декларируемом праве молодого поколения на приоритетные права. Отсюда уже действительно один шаг до приоритетности права еще не родившихся. Герой известного сериала «Семнадцать мгновений весны» легендарный и фольклорный Штирлиц, как известно, из всех людей любил только стариков и детей. Современные ультралибералы идут еще дальше: из всех людей они любят еще не родившихся и уже умерших.

В этой связи более ответственным и перспективным, заслуживающим большего внимания, чем либеральные дискуссии по биоэтике, выглядит предложение некоторых российских политиков и социологов (А.В. Баранов, Л.С. Семашко) о внесении в Конституцию и избирательный закон поправки, увеличивающей число голосов у граждан, имеющих несовершеннолетних детей, на число, соответствующее количеству детей. Тем самым могут быть учтены интересы как детей, так и их родителей. В этом случае дети виртуально получают возможность влиять на свое прошлое — не в дискуссиях дядей и тетей, которым любить ближнего тем легче, чем он дальше, а в решениях их родителей.

Правда, сам же Ю. Хабермас походя роняет слова, которые стоит привести полностью. «Почему бы человеку, пожав плечами и сказав самому себе "Ну и что?", просто не свыкнуться с тем фактом, что его

создали другие люди? После всех нарциссических недугов, вызванных произведенным Коперником и Дарвином разрушением нашего геоцентрического и антропоцентрического представления о мире, третье децентрирование нашего образа мира — подчинение нашей плоти и жизни биомеханике — мы, возможно, переживем гораздо более спокойно» [7].

Фактически за этими мудрыми словами — признание отмеченного нами ранее сдвига гуманитарной парадигмы в сторону постчеловечности и постчеловеческой персонологии. Дело не столько в биотехнологии, сколько в отрыве самосознания личности от телесной ее природы и вторичности последней от этого самосознания.

Третья сила: постчеловечность и бессубъектность

Дискуссии об искусственном прерывании беременности, продолжавшиеся не одно десятилетие, всетаки кое-чему научили. Они убедительно показали, что

в этом конфликте найти мировоззренчески нейтральное, лишенное каких бы то ни было предубеждений (т.е. приемлемое всеми гражданами секулярного общества) решение проблемы морального статуса человеческой жизни на самых ранних этапах ее развития практически невозможно. Что и было признано одним из столпов современного либерализма [9].

На первый взгляд, возникает альтернатива. Либо культуральный релятивизм, когда универсального решения нет и быть не может. Действительно, к одинаковым фактам — массовым преступлениям своего прошлого режима, атомной энергетике и т.д. — в каждой культуре относятся по-разному. Свою роль играют исторические традиции, религиозные установки и т.п. Поэтому и новые этические проблемы, очевидно, должны решаться по-своему.

Либо остается впасть в «биологический фундаментализм» и конституционно, а то и на уровне межнациональном твердить тезис, согласно которому эмбрион изначально обладает человеческим достоинством, т.е. правами личности, и имеет абсолютное право на защиту своей собственной (уже и изначально — собственной) жизни.

Человеческая мысль выработала три ответа на вопрос об источнике морали и права: 1) их природа Божественна; 2) они коренятся в человеческой природе;

3) они являются порождением конкретных культур, т.е. являются результатом нормативно-ценностных конвенций.

Первая точка зрения оказывается все более трудно совместима с реалиями цивилизации. Третья ведет к полному нравственному релятивизму. Остается вторая. Но и она в постчеловеческой ситуации утрачивает справедливость, поскольку сами люди утрачивают универсальную общность своей природы:

- они лишены общности происхождения, так как могут появляться на свет в результате коитального зачатия, *in vitro* (в том числе по заказу), в результате клонирования;
- они лишены естественного характера в результате успехов фармакологии можно существенно, если не радикально, менять характер личности;
- они лишены общности телесности (смена пола, трансплантации, косметическая хирургия);
- они лишены универсальной ситуации смерти или продолжения жизни: генная инженерия и современная медицина радикально стратифицируют человечество.

В современном мире существует целый спектр нравственных установок по отношению к проблемам генной инженерии и прочих биотехнологий. В принципе, можно обозначить две крайние позиции в качестве своеобразных полюсов, между которыми размещаются все прочие.

Наиболее жесткую этическую и правовую позицию занимают ФРГ и большинство других стран континентальной части Западной Европы. Западная Европа, Abendlandes, является колыбелью современной цивилизации, выросшей в лоне катафатической ветви христианства. Западная Европа является также родиной наиболее сильных организованных экологических движений, а в некоторых странах, особенно в Германии («зеленые»), они давно уже входят в политический истеблишмент. И осторожность, даже враждебность по отношению к биотехнологиям является одним из программных принципов.

Другой конец спектра составляют многочисленные азиатские страны. Эти общества в силу религиозных, культурных, а значит, и исторических обстоятельств куда менее озабочены этической стороной биотехнологий. Такие великие религии Азии, как конфуцианство и буддизм, не знают идеи трансцендентного

В конфуцианстве речь идет о почитании культа и за-

ветов предков, а в буддизме каждый может стать Буддой, т.е. просветленным. И та, и другая религия, по типологии В.В. Можаровского, бессубъектны. Столь же бессубъектны даосизм, синто и бон, которые наделяют духовными качествами животных и предметы, неодушевленные для европейца. Буддизм объединяет людей и создания природы в единый космос без качественных границ. Все эти традиции не проводят резких этических различий между людьми и прочим миром. Столь же бессубъектен и индуизм, в котором человеческая жизнь может цениться меньше жизни животного. А если сюда добавить еще и монотеистический, но также бессубъектный ислам, то становятся ясными масштабы «нравственного вызова» европейской цивилизации 9. Этим культурам свойственно намного большее сочувствие животным и растениям и существенно меньшая значимость человеческой жизни. Во многих регионах Азии широко распространены аборты и даже инфантицид, особенно по отношению к младенцам женского пола (Китай). Правительство КНР проводило официальную политику ограничения рождаемости, а в 1995 г. приняло евгенические законы. В том же Китае официально разрешено изъятие органов у казненных заключенных и использование их тел для самых различных целей, включая «художественные» (для первых «пластинатов» немецкого «скульптора» Г. фон Хагеса использовались тела каз-

Промежуточную позицию между Европой и Азией занимают англоязычные страны, Латинская Америка, страны Восточной Европы. США и Великобритания в силу либеральных традиций всегда скептически относились к государственному регулированию, в том числе — науки. Но и американское общество начинает раскалываться на сторонников консервативного подхода и ограничений биотехнологий, вплоть до запретов на аборты. А Соединенное Королевство, пережившее шок от потерь в связи с «коровьим бешенством» (бычья губчатая энцефалопатия), оказалось родиной самого мощного протеста против ГМО и биотехнологий в сельском хозяйстве.

ненных граждан КНР).

⁹ Наверное, к этой же альтернативе можно отнести и африканский регион, север которого составляют страны ислама, а «черная Африка» является христианской и исламской достаточно поверхностно и условно. Языческие культы чрезвычайно распространены в странах экваториальной Африки.

Таким образом, мир все более поляризуется. Огромный азиатский регион, переживающий бурный экономический рост, не испытывает никаких правовых и нравственных ограничений на определенные технологии. Некоторые из этих стран (Япония, Китай, Южная Корея, Индия, Сингапур) обладают необходимой научной и технической инфраструктурой. Кроме того, у них имеются мощные экономические стимулы завоевать свою долю рынка биотехнологии. Ужесточение европейского и американского законодательства по ограничению биотехнологий уже активизировало отток соответствующих научных, технических и финансовых ресурсов в азиатский регион. Поэтому в будущем биотехнология может стать важной линией раздела в международной политике [6].

Россия между жерновами цивилизаций

В нынешнем мире противостояние господствующему миропорядку со стороны бессубъектных культур выглядит как «геополитический вызов цивилизации». Хотя последствия этого процесса трудно установить и оценить заранее, общие направления наметившихся глобальных изменений можно проследить в общих чертах, исходя из нормативноценностных установок соответствующих культур.

По мере того как численность носителей бессубъектных культур, а значит, и население соответствующих государств стремительно возрастает, тогда как население субъектно ориентированных общностей сокращается, эта проблема приобретает настолько рельефную форму, что уже проглядывает возможное расслоение человечества по религиозно-ментальному принципу. Перед таким расслоением, перспектива которого, похоже, будет определять политическую ситуацию ближайших десятилетий, описанный С. Хантингтоном

«конфликт культур» будет выглядеть спором модниц о своих нарядах на представительном приеме.

Россия традиционно — в силу своего географического положения, состава населения, особенностей истории — занимала некую промежуточную позицию между культурами Запада и Востока, индустриальным севером и аграрным югом. В наше время мир стремительно меняется. Дело не ограничивается противостоянием ислама и христианства. Экономически развитый иудео-христианский Запад переходит к обороне перед экономической, технологической и демографической экспансией бессубъектных цивилизаций. Возможна ли в этом стремительно разделяющемся мире для России игра в «свой путь» или претензии на некий «синтез»?

Литература

- 1. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.
- 2. *Кант И*. Основы метафизики нравственности: В 4 т. М., Т. 4. Ч. 1. С. 260; 270.
- 3. *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб., 2002. 272 с.
- 4. *Тульчинский Г.Л.* Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.
- Тульчинский Г.Л. Проблема либерализма и эффективная социальная технология // Вопр. философии. 2002. № 7. С. 17—25.
- Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологичесой революции. М., 2004. С. 270—273
- 7. *Хабермас Ю*. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 38; 52; 56; 67—69; 71; 84; 96; 114.
- 8. *Birnbacher D.* Habermas' ehrgeiziges Beweisziel erreicht oder verfehlt // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. Bd. 50. № 1.
- 9. Dworkin R. Life's Dominion. N. Y., 1994.
- 10. *Jonas H.* Technik, Medizin und Eugenik. Frankfurt am Mein, 1985. S. 168.